

ТЕАТР ИЛЬИНСКОГО

К 70-летию
со дня рождения

Не часто происходят в искусстве события, подобные этому.

Некоторый парадокс художественной жизни заключен в том, что при огромном потоке кинофильмов, телефильмов, спектаклей и теле-, радиопередач, при громадном числе произведений различного уровня зачастую происходит как бы выравнивание их в зрительской душе. Если же взять во внимание еще и критические статьи, где употребляются одинаковые слова и термины, в том числе и самых превосходных степеней, для оценки весьма разнородных по своему качеству явлений, то можно понять механизм такого «выравнивания». Но обидно становится, когда подумаешь, что в сонме достойных или, как порой говорят «имеющих право на жизнь», творений останутся недостаточно оцененными могучие откровения.

Ну вот, такое откровение и произошло недавно. Кинообъединение Центрального телевидения «Экран» показало Игоря Ильинского, читающего «Старосветских помещиков».

Не новость, кажется, что Игорь Ильинский сам по себе — театр. Знают об этом все — и зрители, и актеры, и критики. Вот уже полвека минуло, как в начале двадцатых годов он полноправно стал в ряд таких звезд немого кино, как Дуглас Фербенкс, Пат и Паташон, Гарольд Ллойд, Мэри Пикфорд. Известно, что его «удельный вес» в новаторском театре Мейерхольда был велик. Но остается прекрасной художественной тайной, как на протяжении пятидесяти лет этот театр Ильинского не устает изменяться, совершенствоваться, становясь мудрым, философским театром.

Философский театр! Это ведь очень серьезно и необычайно редко. Философичность искусства — это когда произведение проливает новый свет на человеческую жизнь. Вдумайтесь только — новый свет! Освещает, возбуждает, представляет мыслить зрителя и о своей собственной жизни, рождает сладкую печаль раздумий о жизни в целом, от рождения до смерти, о предназначении своем, о предназначении других, о смысле бытия...

Все эти чувства вызвал Ильинский, читая Гоголя. У нас «титл» «философский», случается, с легкостью необыкновенной присваивают произведениям, где две-три известные истины соединены и высказаны тихим голосом или снабжены ремаркой: «раздумчиво»...

Нет, здесь было не то! Здесь на протяжении часа возгорался огонь такого сочувствия человеку, что, право же, это казалось волшебством.

«Новомосковский репертуар» 21 июля 1977

Пульхерия Ивановна и Афанасий Иванович — ах, как легко назвать их ничтожными людьми! Ели, пили, принимали гостей, коротали дни свои в тихом, заброшенном именье, умерли... Что они для общества, что общество им! Но вот поди ж ты! Под пером Гоголя их история, в которой и истории-то нет никакой, нет содержания, нет внешнего движения, да, кажется, и внутреннего не существует — их история становится значительной. Человек, пришедший в мир и связанный душевными узами с другим человеком, — это для Гоголя была та «молекула» мира, на которой все остальное в этом мире и держится. Ильинский читает, а сказать лучше — сообщает нам эту историю как эпос, достойный томов.

Он один на экране. Он рассказчик, автор, но не некий абстрактный «автор» — он Гоголь! Ильинский сумел сравняться с ним, и оттого все, на что он смотрит, о чем рассказывает, одушевляется необыкновенностью гоголевской личности, гоголевского отношения к человеку, к былинке всякой.

...Они были хорошие люди. Можно это пробросить так, походя... Ну кого не называют «хорошими людьми». Но Гоголь изумлен доброте человеческой, отсюда, с нее начинается для него человек. Нет, это ведь огромно — хорошие люди. Ведь противоположное — злые! И Ильинский разделяет и передает это поэтическое удивление Гоголя.

Он мастер такой, что мастерства совсем не видно. Он, конечно, неслыханный виртуоз. Подвижность его лица уникальна. Его артистическая техника неизъяснима. Ее нет — есть простота. Есть спокойствие, сдержанность. Вот уж где — «служенье муз не терпит суеты!» Немножко, этак исподтишка, подмигнет нам, зрителям, и мы видим, что это Афанасий Иванович подмигнул, ласково подшутив над Пульхерией Ивановной. Ну что ж, Пульхерия Ивановна все принимает всерьез, что касается Афанасия Ивановича.

Растет поэзия их привязанности, растет любование этой привязанностью рассказчика... И где-то незаметно кончается сельская поэма бесхитростной любви двух недалеких людей, исчезает чуть иронический взгляд на них автора и рассказчика, и перед нами предстают чуть ли не Тристан и Изольда средневековых легенд...

Не часто происходят в искусстве события, подобные этому! Сила этого художника сегодня поразительна. Игорю Владимировичу Ильинскому исполнилось семьдесят лет. Сказать, что он в расцвете сил — значило бы ничего не сказать. Радостно сознавать, что он живет с нами, творит для нас...

А. СВОБОДИН.